

мыслителей становятся тогда и только тогда, когда они как бы преодолевают всегда имеющиеся идеологические, политические, партийно-групповые влияния и восходят именно к всеобщему в его смысле общечивилизационного, общечеловеческого»¹. Правда, при обращении к этике и, еще в большей мере, — к морали (моральному сознанию) определенной эпохи, на мой взгляд, избежать тех или иных пристрастий самих мыслителей вряд ли возможно. Главное здесь — не приписывать им то, что не соответствует их взглядам (скажем, Блаженному Августину — лицемерие и ханжество на том основании, что, толкуя о любви к Богу и к ближнему, он преследовал еретиков: то, что нам сегодня кажется невозможным, для него было выражением искренней и глубокой веры; и не ненавистью, а любовью к погрязшему — по его глубокому убеждению — в грехах человечеству продиктованы суровые и — с современной точки зрения — жестокие страницы трактата «О Граде Божиим»),

Первое, что ясно выкристаллизовывается в сложно-противоречивом многоголосии мнений и оценок христианства, христианской религии и христианской морали: глубокий переворот в сознании — в мироотношении, в системе ценностей, в оценке человека и его места в мире. Какие бы ни делались оговорки, какой бы — отрицательной, положительной или относительно нейтральной — ни была итоговая оценка, всеми признается сам факт такого переворота. В конце XIX столетия Ф. Паульсен, неокантианец и автор фундаментального труда «Основы этики», писал: «Обращение древнего мира к христианству есть глубочайшая революция, пережитая Европой. Это полный переворот в воззрении на жизнь во всей ее целостности, "переоценка всех ценностей", если говорить словами Ницше. Я попытаюсь прежде всего обрисовать возможно резче противоположность христианского учения о самоотречении, во всем его строгом величии, с учением греков о самосохранении... Греческое признание мира и христианское преодоление мира — вот два жизненных пути, проложенных до сих пор За-

¹ История философии. Запад-Россия-Восток. Кн. 1. М., 1995. С* 13.